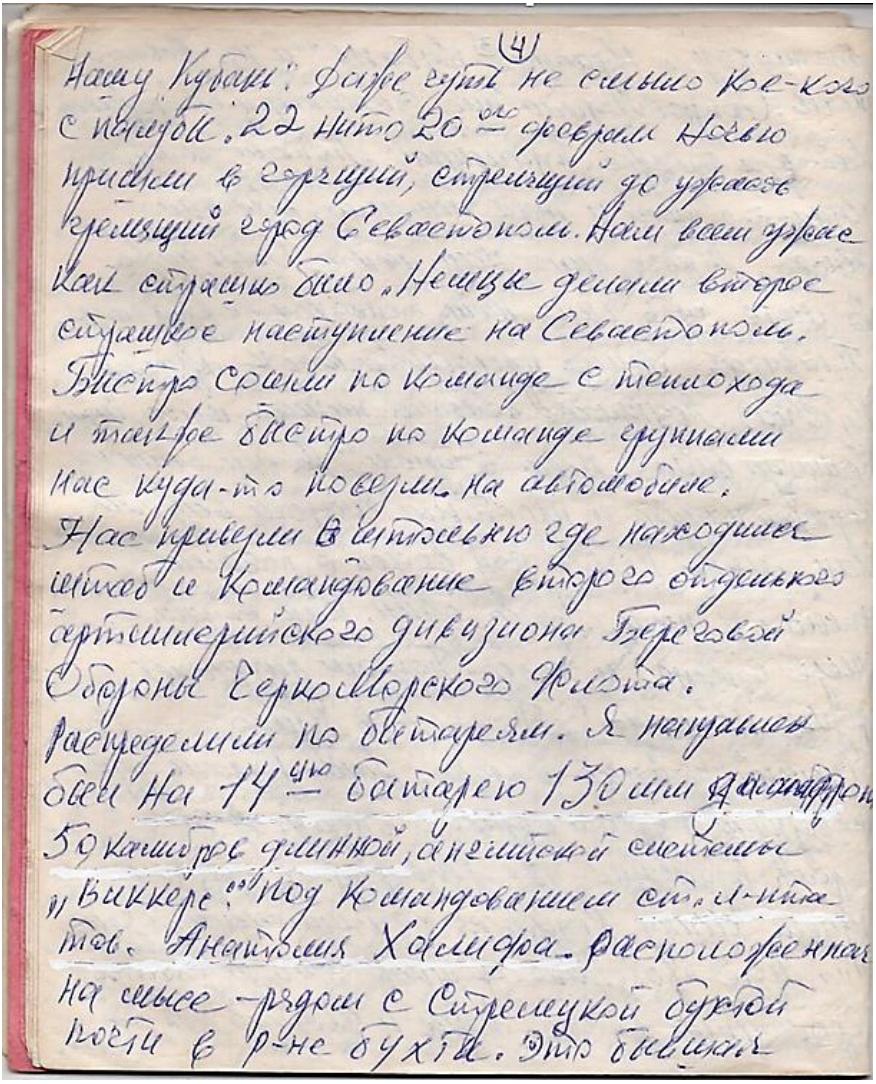
Сын Ивана Григорьевича Тесленко – Александр Иванович с дочерью у израненного бруствера 14-й батареи 1 апреля 2017 г.

Воспоминания о боях в осаждённом Севастополе, фашистском плене комендора 14-й береговой батареи краснофлотца Тесленко Ивана Григорьевича

(орфография оригинала сохранена)

«1938–1940 гг. (май–март). Школа ФЗУ по специальности электрослесарь по монтажу, ремонту и эксплуатации промышленного электрооборудования. Чл. ВЛКСМ с мая 1938 года. Металлургический завод им. Тов. Ворошилова, гор. Ворошиловск, Ворошиловградской обл., ныне гор. Коммунары. Там же и родился, крестился и учился. 1940 год, март месяц, по 1941 г., октябрь месяц, электроустановка при электроцехе завода им. Тов. Ворошилова.

Член бюро комс. организации, зам. секр. комс. орг. цеха.



(4)

Нашу Кубань: Даже чуть не смыло кое-кого
с палубы. 22 нито 20-ого февраля ночью
пришли в горящий, стрелящий до ужасов
гремящий город Севастополь. Нам всем ужас
как страшно было. Немцы делали второе
страшное наступление на Севастополь.
Быстро сошли по команде с теплохода
и также быстро по команде группами
нас куда-то повезли на автомобиле.
Нас привезли в штольню где находился
штаб и командование второго отдельного
артиллерийского дивизиона Береговой
Обороны Черноморского Флота.
Распределили по батареям. Я направлен
был на 14-цю батарею 130 мм [illegible]
50 калибров длинной, английской системы
„Виккерс" под командованием ст. л-нта
тов. Анатолия Халифа. Расположенная
на мысе — рядом с Стрелецкой бухтой
почти в р-не бухты. Это бывшая

Рукопись И.Г. Тесленко [25]

Октябрь 1941 г. Призван в Военно-морской флот на службу. Полуэкипаж гор. Новороссийск, клуб им. Маркова. В этом же месяце в конце последних чисел поход в гор. Анапу – санаторий им. В.И. Ленина (бывший санаторий), принятие присяги и с оркестром строем в учебный отряд (школа) Морпогранвойск НКВД ЧФ, рота радистов. Командир роты ст. л-т тов. Григорьев.

Февраль 1942 г. Расформирование училища. Часть курсантов и старослужащих побатальонно готовились в гор. Геленжик для десанта на Керчь (как наши говорили тогда), а часть в гор. Севастополь на оборону, куда и я был направлен.

Нашу сформированную роту перед отправкой в Севастополь с училища повели строем в Суб-сек *(Супсех, – прим. А. Б.)*, бывший винный совхоз в лес для приспосабливания в условиях жизни и нахождения в условиях фронтовой жизни. Рыли землю. Носили сухую траву, хворост. Строили жильё каждый себе, рыли окопы, небольшие, шанцевым инструментом, питались хорошо с полевой кухни, частые построения, готовности и ночные подъёмы.

Через две недели, а то и 10 дней, как мне припоминается, мы строем все были подняты в поход в гор. Новороссийск, клуб им. Сталина. Потом ночью строем пошли в порт. Погрузились на теплоход «Красная Кубань» и на Севастополь. Сопровождали нас эсминец и сторожевой катер, а также тральщик. Потом эсминец куда-то ушёл и так мы шли. Нас было много. Очень даже.

В море чуть было наш теплоход не взорвался. Плавучая мина приближалась к «Красной Кубани». Поднялась большая паника, крик, шум. Команда была: «Всем в трюм». Но мы были на верхней палубе и простым глазом видели, как мина почти под водой с рогами плыла к нам. Ужас один. Как страшно. Море вокруг и небо. Потом раздалась резкая команда: «Полный вправо, самый полный вправо». Наша «Кубань» резко повернула вправо и вперёд. А в это время тральщик уже развернулся и взял на прицел мину. Раздался оглушительный взрыв, на море пробежало громкое эхо, поднялся громадный столб воды и достало аж на нашу «Кубань», даже чуть не смыло кое-кого с палубы.

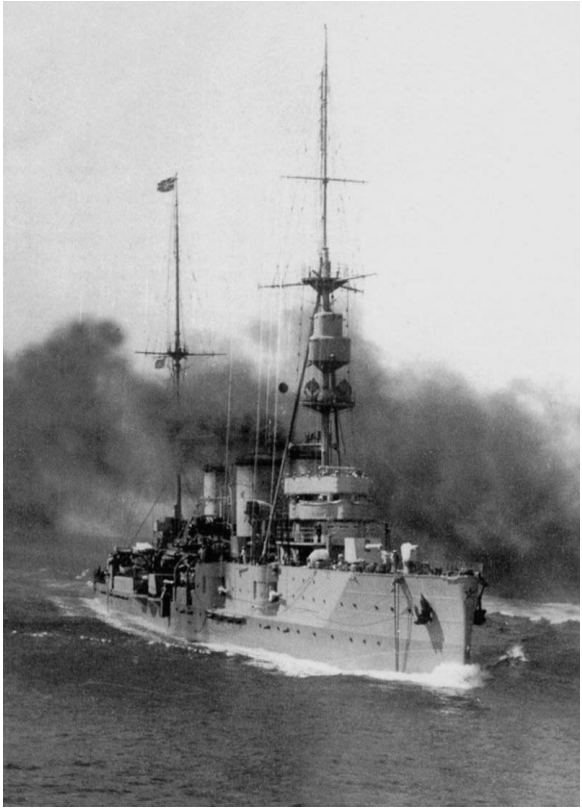
22, ни то 20-го февраля ночью пришли в горящий, стреляющий, до ужаса гремящий город Севастополь. Нам всем ужас как страшно было. Немцы делали второе страшное наступление на Севастополь. Быстро сняли по команде с теплохода и так же быстро на команде группами нас куда-то повезли на автомобиле.

Нас привезли в штольню, где находился штаб и командование второго отдельного артиллерийского дивизиона Береговой Обороны Черноморского флота. Распределили по батареям.

Севастополь в огне. Фото из немецкого издания «Wir kampften auf der Krim 1941/42 Kertsch –Sevastopol»

Я направлен был на 14-ю батарею 130 мм диаметром 50 калибров длинной, английской системы «Виккерс» под командованием старшего лейтенанта тов. Анатолия *(записано ошибочно, правильно «Григория», – прим. А. Б.)* Халифа. Расположенная на мысе рядом со Стрелецкой бухтой, почти в районе бухты. Это бывшая батарея № 32, которая была в гор. Феодосии на условной горе «Бабай». Так мне потом рассказали, когда я входил в колею сослуживцев, говорили и то, что все эти башенные пушки, а их три снятые с крейсера «Червона Украина», которая притоплена от бомбёжки и лежит с креном, мачтами на берег, на Графской пристани *(информация требует уточнения, на крейсере тоже были 130-мм орудия, но Б-7, – прим. А. Б.).*

12 ноября 1941 г. немецкой авиацией в Южной бухте Севастополя был потоплен крейсер «Червона Украина».



Крейсер «Червона Украина» [59]

Командующий флотом приказал к 20 ноября снять с корабля вооружение для комплектования береговой артиллерии. Эта задача была возложена на ЭПРОН. Для снятия орудий и выгрузки боеприпасов были организованы команды из личного состава БЧ-5 корабля и водолазов. Палубную артиллерию удалось снять за 10 дней. Выгрузка боеприпасов осложнялась креном корабля. Водолазу приходилось нести снаряд на руках до верхней палубы, затем он передавал его другому водолазу, который укладывал снаряд в специальный мешок, и его поднимали на поверхность.

Из 15-и его 130-мм орудий 6 были казематными и не могли быть использованы на берегу, одно палубное орудие было повреждено. Остальные орудия были сняты.

К 25 ноября с корабля было снято девять 130-мм орудий, спаренная 100-мм установка, орудия малого калибра, торпедный аппарат и 4 000 снарядов, продовольствие и обмундирование. После 10 декабря работы на крейсере были прекращены. Орудиями и личным составом крейсера к 27 декабря 1941 г. были укомплектованы четыре двухорудийные батареи береговой обороны № 113, 114, 115 и 116 (позже они получили номера 702, 703, 704 и 705) принимавшие участие в обороне Севастополя.

Командный состав батареи № 14

Стационарная наша батарея построенная по типу эсминца. Всё точно так, но только в земле, в бетоне. Территорию занимала очень большую. Во дворе нашей территории была служба оповещения с моря и воздуха. Стоял клотик, за воротами батареи, рядом через дорогу, стояли двухэтажные кирпичные дома. Это выздоравливающий батальон, а до войны здесь было лейтенантское училище (средний комсостав выпускался), ныне Нахимовское училище.

С центральной территории батареи шла главная дорога в медсанчасть, караульное помещение и на камбуз, который был расположен в Песочной бухте вместе с подсобным хозяйством.

На мыс не ходили в ясную погоду по этой дороге на камбуз. Немцы стреляли с орудий по черным, а чёрные были – это моряки. Форма, т.е. обмундирование-то черного цвета. А моряков они страшно боялись и ненавидели, поэтому стреляли даже с орудий. С Качи все им было видно.

А Кача была у немцев. Да и нельзя было рассекретить нашу батарею и размаскировать. Ведь она имела большое значение и играла великую роль в обороне Севастополя. Угол возвышения 45 градусов, стреляла по видимой и невидимой цели. Дальность полёта снаряда до 26 км. Быстро удалось мне освоить материальную часть орудия. Я был на орудии № 3 старшина 2 статьи тов. Волдынер *(сержант, – прим. А. Б.)*.

Через несколько дней я был уже заряжающий № 1. Команда была – изучить взаимозаменяемость. Вскоре я стал комендором (пушкарём), как говорят моряки. Огонь вели очень здорово. Особенно наша батарея.

Расчёт орудия Б-13. На патронташе у комендора видны ударные втулки

Выносной пост был у нас на Сапун-горе. Я был комсомольским активистом, понравился командованию батареи как исполнительный и дисциплинированный бывший курсант. Мне часто комиссар батареи тов. Коломиец давал поручения. Во время готовности № 2 я читал газету или вырезки из газет, которые давал комиссар своим боевым друзьям.

Кушать с камбуза носили прямо на орудия, к подачам. Мне приходилось, как и моим боевым товарищам, день и ночь вести огонь по врагу. На ходу спали. Чрезмерная нагрузка на лейнера из-за в несколько раз превышений выстрелов с орудий, заставила всех нас менять лейнера в ночное время.

Мы, именно мы, разбили горнострелковую дивизию СС «Викинг», присланную с Испании, чтобы штурмом взять Севастополь. Наша батарея очень и очень много уничтожила живой силы противника и техники. Много и много подавила орудий и моторизированной техники врага. Много и очень, очень уничтожили психических атак вражеских войск. А под Севастополем шли дивизии и полки, не только немцев, но и их союзников, в то время это – итальянцы, румыны, болгары.

«Огонь, батарея!» Рисунок народного художника Республики Крым Петра Михайловича Карнауха (1927–2018)

Очень часто мы переходили на поражение, а это значит цель накрыта. В последние дни июня месяца 1942 года наша пушка и пушка № 3 и пушка № 1. Это орудия 3 и 1-ое, а второе выведено было из строя, делали по 250 выстрелов, что из сил изнемогали, лейнера от сильной температуры расширялись и снаряды летели уже не в цель. У орудий было горы цинков и пеналов из-под зарядов. Кто артиллерист, тот знает, что такое цинки и пеналы.

Почему многие береговые батареи немцы стремились подавить, уничтожив батарею, да ещё такие как диаметром 130 мм, 300 мм канала ствола, это неподступная крепость, которая била по видимой и невидимой цели на большом расстоянии как по морю, так и по суше.

Мы берегли свою 14-ю, не рассекречивали и не размаскировывали. Поэтому до конца вели страшное артиллерийское поражение. Что такое поражение? Артиллеристы знают! Если бы этого не при-

держивались, немцы, имея превосходство в воздухе авиацией, разбомбили бы её, как пить дать. Настоящей хорошей защиты её с воздуха не было.

30 июня 1942 г. На рассвете вышли заглянуть с патерны на орудие с опущенным каналом ствола после страшного боя. Над Песочной бухтой стояли уже три немецких танка и, заметив нас, открыли арт. огонь. Снаряды рвались, носа не высунуть. Последовала команда: «Всем в патерну, раненых тоже, двери задраить на герметичность!». Это слова командира батареи тов. Халифа.

Через некоторое время участился обстрел из дальнобойных. Перелёт, недолёт, вправо, влево, периодически вели огонь по нашей батарее № 14, которой в конце мая – начале июня месяца 1942 года должны были присвоить звание «Гвардейской». Не счастлива она, несчастливы и мы.

К нам на батарею просочилась немецкая разведка. Мы слышали её разговор *(видимо – ночью, – прим. А.Б.)*.

Но 1 июля 1942 г. Утром (ночь не спали) по приказанию командира батареи ст. л-та тов. А. *(Г., – прим. А.Б.)* Халифа продсклад с Н.З. был открыт, но ничего не лезло в рот, хотя организм просил кушать. Сушило во рту. Слышали, как рвутся снаряды наверху нашей батареи. Бетонные потерны гудят. Боимся детонации. У нас склады с боезапасами.

Дождались темна. По команде комбатареи все вышли мелкими группами через ход боевой рубки командира батареи. Проложены были бикфордовые шнуры. Все залегли под берегом. Запалили шнуры. Раздался взрыв сильнее грома. Заревело эхо в море поднялась земля с орудиями соломенно-красного цвета, пламя охватило большую площадь ввысь. Страшно было смотреть и жалко было батареи.

Берегом пробивались мимо своей санчасти (лазарета) через стоящие здания выздоравливающего батальона, но нас немцы встретили пулемётно-автоматным огнём и артиллерией, а в воздухе на парашютах повисли ракеты.

Мы открыли огонь из винтовок и пулемёта ручного Дегтярёва. Нас сразу подавили и в упор расстреливали, послышалась команда: «Назад, к берегу!». Стоны, а немцы строчат. Кое-как отползли в воронку большую. Носом вспахивали землю.

Прошла 30 минутная канонада. Немцы и утихли, думали, десант с моря, и что всех нас уничтожали. Небольшая группа оставшихся нас в живых ползком вернулись к берегу, обойдя свою батарейную территорию и тлеющую от взрыва батарею, мы бросились вплавь. На противоположный берег Стрелецкой бухты.

Был сильный шторм, накат волн. Нас дважды выбрасывало на камни берега. Потом разделись до трусов и ещё раз бросились в волны. Подхватило нас и понесло как на качелях, волны переваливались через головы.

Рисунок Волкова Юрия Васильевича (художник баталист, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., родился в Севастополе в 1921 г.)

С ворот батареи вдоль бухты строчит пулемёт, в небе висят ракеты, с дальнобойных орудий обстреливают подход к бухте. Горячие пули шипят в воде вокруг меня. Столбы воды заливают и топят.

Страшное дело, страшный суд и ад надо мною. Никого не слышно, нет ничего под рукой. «Погибаю! – Кричу. – Помогите! – Кричу. – Мамочка спаси!», а самого на волнах кидает как щепку.

Вдох делаю тогда, когда волна перекинулась через голову и вновь как на качелях. Не могу сам собой управлять на такой большой и страшной волне да и ещё под обстрелом. Уже обессиленный, не помню, как я плыл дальше, как держала меня вода.

Наверное, не суждена смерть и мама молится за моё спасение день и ночь. Просил помощи у господа Бога и она пришла. Почувствовал я под ногами что-то твёрдое. Испугался, начал продолжать

плыть, виден берег, светло, до берега метров 30 от меня. Вновь ногами касалось что-то твёрдое. Сперва я мгновенно подумал, что ото что-то затонувшее, чтобы не пропороть себе живот, а то оказывается подводная бетонная площадка для гидросамолётов. Я рачки, рачки выполз на берег.

Комендор 14-й береговой батареи 2-го отдельного артиллерийского дивизиона Береговой Обороны Главной базы Черноморского Флота краснофлотец Иван Григорьевич Тесленко

Стать на ноги сил нет, падаю в воду. Повернулся, посмотрел на море – дымка стоит. Посмотрел в ту сторону откуда плыл – не пойму ничего, стоит дымка морская, рассветает, утро 2 июля 1942 года, но солнце ещё не восходит. Слышно где-то невдалеке строчат автоматы. Пить хочется, живот полон воды морской, наглотался когда плыл. Кушать хочется. Кое-как поднялся, начал идти, не идётся, бежать – не бежится. Подкашиваются ноги.

Кое-как берегом иду, ползу, вокруг страшно трупов много, кучи трупов нацменов горят, чего, мысли не придёт? Барахла, обмундирования кучи, а особенно лётно-морского авиасостава. Длиннючее здание, написано «ЦАГИ». Догадался, что я под обстрелом переплыл две бухты: Стрелецкую и Круглую. С вечера был отлив, а на утро – прилив волн. Ото меня и затаскало аж туда. Сперва прямо в море, а под утро с моря к берегу, когда всё утихло, а куда же к берегу? В бухту Круглую, а Круглая бухта рядом с Стрелецкой. Круглая бухта – специальная бухта для гидросамолетов наших. Как мы знали тогда – для МБР-2.

Я снял тельник и переоделся в солдатское галифе и гимнастерку, один ботинок нашёл наш русской, второй попался английский, размер ноги моей 43, не так уж быстро можно найти обувь. Носков нет, ногам больно, но было не до того, пошёл шарить сухари.

Нашёл и сухари и прессованный кофе горький, выбросил. Сухари с жадностью грыз. Много валялось оружия – винтовок. Винтовку нашёл с патронами, а тут невдалеке от посадки капонира женщина в возрасте бежит и кричит: «Ой сыночек, беги быстрее, немцы в посадке!»

Я дал дёру, добежал до Камышовой бухты, потом Казачьей на Херсонесский маяк. Стрельба усиливается, много отходящих частей в паническом состоянии, много гражданского населения на Херсонесском маяке в ожидании кораблей для эвакуации, а трупов уйма.

Страшно, жалко, горько и обидно. За что и почему так мы очутились в таком положении? Ни командования, никого. Бросили на произвол судьбы.

Начали группироваться и занимать позиции, самооборонятся. У кого есть оружие, а кто просто так, без оружия, лишь бы лежать носом в землю, чтобы осколком не убило. Каждый предназначен был сам себе, а внизу, начиная сверху крутого берега Херсонеса и в самое море свалка. Тысячи техники, снаряжений, трупов и пр. пр., если всё взвесить, это миллион тонн будет.

Площадь большая, всё, что стягивалось и шло к Херсонесу, всё с берега спускалось в обрыв, чтобы не досталось врагу.

Залегли, потом решили мы с группой – человек 10, берегом добраться до мыса Фиолента, а оттуда через Балаклаву, лесом мимо Байдар в партизаны. Молодые, дурные были, и неосмыслящие военной стратегии, а когда человек погибает – он за соломинку хватается. Так и мы.

Ни шлюпки, ни катера. Народу тысячи скопилась здесь. И все как овцы. Беспомощные, бессильные. Я не в оскорбление, а так оно и было.

Участились артиллерийские обстрелы, слышно недалеко – стрельба и грохот. В воздухе летают ракеты. Это корректирующий огонь самолёт. Мы их уже знаем, и знали до этого.

Снаряды начали рваться невдалеке от нас. Как мне припоминается, я услышал только визг и крик: «Ложись!». Почувствовал сильные боли левого таза, бедра, рук и головы. Но память не потерял. Кровь на лбу, лице, во рту. Кто-то меня волок куда-то. Я стонал. Тряпками обтерли, перевязали голову, а зубов нет, выбило. Страшные боли всего организма. Сам идти не могу.

Спустя несколько часов, припоминается, меня под руки подняли и повели, а вслед немецкий крик. Я совсем было пропал. Как после выяснилось, из рассказов таких же товарищей, как и я, что немцы Херсонес взяли в кольцо со стороны Балаклавы и Казачьей бухты.

Пленные красноармейцы. Предположительно г. Севастополь, бухта Казачья, июль 1942 г.

В плен взяли тысяч 20. Всех повели, погнали под автоматами в Байдары. В Байдарах над дорогой и лесом построили в колонны и больных, раненых, ушибленных и не раненых мужчин. Часть колонн, а колонны были по тысяч 5–4 погнали дальше, а куда было нам и мне неизвестно.

Здесь начали немцы издеваться, и действовать психологически над нами. Какой-то нацмен, типа чеченца в полном форменном кавказском одеянии с кинжалом, и свитке чёрной, в белой кубанке на лошади красиво убранный, в седле верхом, с плёткой, говорил во весь рот – кричал по русски: «Кто здесь есть матросы, кто с 7-й, 8-й “брыгады”, кто комиссары, евреи выходи вперед, по-хорошему, всё равно мы узнаем, тогда будет хуже». Никто не вышел и не выходит. Тогда он на нацменском языке стал что-то говорить и ялдаши *(жаргонное – азиаты, – прим. А. Б.)* стали почти на всех пальцами указывать.

Но, не могут же все быть такими. Это же дураку ясно и понятно. Тогда он на своём рысаке начал топтаться вдоль стоящей большой колонны, а с боков направлены пулемёты немецкие на всех нас и плетью лупить тех нацменов, да и других, кого зацепит.

Оказывается он им наобещал свободу и освободить из плена.

Я совсем обессилен был, кое-как кому-то было жалко. Ведь я молодой парень, мне ещё не было 20 лет. Меня поддерживали.

Потом приехал на легковой машине какой-то немецкий большой чин в очках и с ним ещё трое. Говорили то же самое. Но никто не вышел из колонны. На нас всех направлено было на расстоянии метров 15 не менее 100 автоматчиков помимо пулемётов. Ну, думаем, сейчас всех расстреляют.

Начали с овчарками ходить по шеренгам и всматриваться в глаза, снимать брюки до голого тела. Не всем, а кому скажут, а сзади другие немцы мелком пишут крестик на одежде. Всех, кого пометили выгнали из строя и отдельной колонной увели. Это были евреи и видимо политработники, но как они узнали, Бог их знает.

Через минут 20, мы все услышали автоматную стрельбу. Это фашисты расстреляли их. Потом нас пересчитали палками человек 500–600 и в сопровождении татар, вооружённых винтовками, немцев-автоматчиков повели. Куда, не могу понять? Но повели назад, откуда шли, только стороной. Время было к вечеру. Поместили в какие-то землянки. Привезли воды и хлеба. 1 буханка на 50 чел. Ужас один. Голод, смерть. Отобрана жизнь у каждого не менее на 20 лет.

Нашёлся русский врач. Меня обмыл, перевязал, примочки сделал, а я не могу ходить и всё. И все говорят: «Держись парень, а то убьют». Утром не могу встать, всё болит до ужасов. Помогли, расходили, а по большому не оправлялся уже трое суток. Нечем! Мочиться стал часто и тихо.

Утром в 9 привозят на немецкой машине большой к нашим землянкам прутьев с заточенным остро концом. «Вместо расстрела будете разминировать свои минные поля в районе деревни Комары *(ныне Оборонное, – прим. А. Б.)*. Все вы матросы, все вы комиссары. Мы знаем всё, – это говорил немецкий офицер, а переводил татарин.

Ну что. Судьба такая наша. Привезли нам баланду в виде клея, что мажут стены, когда обои наклеивают. Цвелого хлеба по куску грамм 200. Видимо, где-то нашли наш хлеб и чай несладкий. А мисок нет, котелков во многих нет. Я вообще никогда не имел котелка. Давай просить один у другого. Поделились, похлебали, заставили каждого взять по пруту и колонной погнали вперёд.

Сзади нас вооружённые татары охраняют, а за татарами, метров 20, немцы с автоматами. К обеду нас пригнали к минным нашим оставленным полям в районе деревни Комары. Татары по-русски объяснили, как нужно идти шеренгой, как тыкать прутом в землю вокруг ног впереди.

Ю.В. Волков (1921–1971) «Пленная Русь».
Надпись, сделанная художником на обороте:
«По Севастопольской щебенистой дороге, залитой солнцем, движется на запад колонна пленных, измученных людей. Но духом ещё сильных. Многие из них думают свою горькую думу»

«Если почувствуете прутом твёрдое, останавливайтесь и кричите. К вам подойдут ваши минёры и разминируют это место, извлекая мину». Мины были противотанковые и были в др. местах хлопушки с паутиной – противопехотные. «После извлечения запала из мины, берите эту мину и выносите вон туда», – указывая место их складирования. Минёров оказывается много было среди нас, им обещали по три пайка за изъятия запала.

И вот идём. Смертники мы убогие. За что нас Господь наказал, ведь мы три-четыре дня тому назад как защищали Севастополь, все силы отдавали и отдали защите, вращались среди командования, а теперь никому не нужные, нас не эвакуировали, оставили на растерзание фашистам. И вот вместо расстрела взрывайся и тем самым очистишь поля свои от своих же мин. Где логика? Как обидно! Жалко каждому самого себя, но кому скажешь, кому пожалуешься? Сами эвакуировались до 25 июня, а остальных оставили. А ведь мы тоже люди. Всем защищать, значит – всем.

И так разминирование продолжалось. В воздух полетели руки,

ноги, а то и всё тело. Все гибли, умирали, никто им не оказывал помощи, потому, что это противотанковая мина, это не противопехотная. Если танк взрывает, то представить, что останется от человека. Паника, назад, а сзади окрик, вперёд, стрелять будем. Щёлкают затворы винтовок татар крымских.

К вечеру нас, оставшихся в живых, вновь гонят под таким же конвоем в те же землянки. Началась дизентерия, поносы, рвоты, тошнота. Воды почти нет. Чем спасать товарищей? Многие умирали, многие переносили на себя. Из нас в первый день осталась половина того, что было.

Оказывается, как потом стало известно, татары приезжали с нашими пленными на машине и собирая разорванные тела, трупы, и т.д. увозили и в окопах закапывали. Немцы боялись эпидемий. И так мы целую неделю разминировали минные поля.

Я штрыкал и осторожно, и порою со злостью, уже надоела такая мучительная страшная жизнь, но Бог отводил смерть от меня и моих рядом идущих товарищей, по отношению меня – дядей по возрасту. Моя мама, как потом мне говорила, день и ночь молила Бога о спасении меня. И я верю ей, верю в Бога.

Нас оставалось человек 40. Или мы уже всё разминировали, или что случилось, мне тогда было не известно. Мы это не знали, где эти поля минные кончаются, где начинаются. Пригнали, показали и вперёд. Увезли нас в город. В лагерь на Рудольфе. Я так и не понял, что это за слово «Рудольф». Лагерь громадный, территория большая. Огорожен колючей проволокой в несколько рядов, на углах вышки, на вышках немцы с пулемётами и автоматами. Собаки овчарки. Страсть.

Через неделю, если я не ошибаюсь, приехали немцы и отбирали на работу каменщиков и специалистов слесарей-электриков. Называли таких. Нашлись, пошёл и я. Меня чего-то сомневались брать, подпухший, в ране, сильно худой, молодой очень, это так сказал переводчик. Я стоял согнувшись в стороне. Потом фриц заорал на меня и палкой махнул – становись. И я стал в группу.

Нас повели, потом за лагерем посадили в машину и под конвоем повезли. Повезли к берегу, посадили на лайбу и потянули на Северную сторону в лагерь огороженный рядами колючей проволоки с охраной, где до войны находился местный 16-й полк.

Гоняли на работу, работа тяжёлая, камень, тачка. Кормили ужасно плохо. Народу было чел. 800. Нары, параши, битком набитые помещения за двойными дверями и бетонными полами с маленькими зарешёченными окнами. Сильно били, считали палками. Вши заели. Буханка

хлеба на 50 человек. Утром и 50 чел. вечером, 0,5 л. баланды.

Начали пухнуть, умирать, делать побеги, но бесполезно. Некуда бежать, негде скрыться. Ловили, расстреливали и ещё за беглеца каждого третьего стреляли. В лагере кладбище. Голод – смерть.

Украли собаку беленькую у нач. лагеря. Ночью над буржуйкой зажарили и съели. Два дня добивался где его чунд – собака. С автоматов стреляли по нас. Многих ранили, рачки лезли в блоки, где жили.

Однажды построили нас в лагере, орали, кричали. Несколько раз пересчитывали палками, переводчик переводил нам и орал на нас, бил нас похлеще, нежели немцы. Он просто издевался над нами. Рост средний, чернявый и немного коренастый был.

Один из пленных набрался мужества и выскочил из строя, подбежал к стоящему кричащему нач. лагеря лезвием безопасной бритвы полоснул его по шее, где челюсть, не удалось полоснуть по горлу. Упал в крови немец, переводчик крик по-немецки поднял во всё горло, стоящие вдали фрицы стрелять начали по разбегающимся в свои жилые блоки. Один одного чуть не придушил в дверях.

Быстро прибежал караул с немцев и давай палить с оружия по казармам, по раненым. Многих убитых потянули в яму, у нас кладбище было на территории, и закопали. Раненого фрица отправили куда-то. Утром новые немцы, гестапо, забрали тех, на кого указывал переводчик. Он всех нас знал по месту построения.

Кричали, кушать не давали. Держали до обеда на ногах, а потом обыск каждого и по нарам шарили. После обеда, а обед-баланду и хлеб не дали, нас группами разобрали на работы под строгой охраной и повели.

Сил не было идти, не говоря о работе. Были минуты, что сами себе смерти просили.

Вечером пригнали нас с работы. Палками пересчитали при входе в лагерь, а потом построение и вновь орут. Кричат, ходят впереди строя, всматриваются в глаза, кого выгоняют из строя палкой и строят отдельно. Заставляют их выворачивать карманы, сумки, рубашки снимать, ботинки снимать и смотреть. Не дай бог что-либо найдут с режущего или металлического, расстреливают на месте.

Но нас всех до этого об этом предупредили, чтобы ни у кого ничего не было и чтобы никто не приносил с собой в лагерь. За нарушение – расстрел. Вот они и шарят у им подозрительных лиц – военнопленных. Фрицы психологически влияли и действовали на бедных, измождённых, обездоленных, никем не защищённых, физически слабых и больных людей – защитников Севастополя.

Конечно, напрасно, необдуманно сделано товарищем с бритвой.

Ведь пострадал сам, пострадали невинно многие товарищи, а толк с того? Наоборот усугубилось существование наше и отношение фрицев, вооружённых до зубов.

И так прошло время до холодов. Что такое, прошёл слух среди немцев и к нам через полицаев-предателей о том, что гестапо забрало и расстреляло переводчика. Он оказался юдой – евреем, а как он нас взывал, а бил, кричал, издевался, один бог знает. Значит он завоёвывал авторитет у немцев. Стал другой переводчик. Какой-то немец-поляк. Этот совсем зверюга круглоглазый. Хуже, нежели немцы.

В 1944 весной в марте месяце всех нас построили, как обычно. Фриц лагеря пройдя перед строем палкой выводил со строя, крича: «Век-век» – по немецки. «Вэк» – это значит «уходи-выходи». Мы, было, спугались. Ну, думали, капут всем нам, а за что?

Когда было чел. 25, фриц сказал, что повезут ямы рыть, кушать будет хорошо. Это перевёл фриц-поляк переводчик. Думаем, брешете гады. Напряглись мы до предела. Даже братва, стоящая в строю и те говорили: «Прощайте, братцы». Как это было жестоко, тяжело для каждого из нас. Всё переносило сердце.

Привезли нас автомашиной на Херсонес, где находился немецкий аэродром. В недалеке от аэродрома деревянный длинный сарай, внутри его сколько соломы, спали потом. Параша хорошая, большая с алюминиевого бака. Стояла она у входной двери. Снаружи дверь закрывалась на замок сторожевой охраной с автоматами, состоящей из двух фрицев. Ограда в два ряда вокруг сарая колючей проволокой. Бочка с питьевой водой. Холодновато-сыро.

Ничего не дали ещё. Спали одетые. Вши заели. Ночью без света, а днём выбираем время, бьём вшей ногтями, а они такие большие, как пуговки и серые на цвет.

Кормили лучше нежели в лагере. Хлеба давали буханку на 6 чел., баланда неплохая и тэе, по-немецки чай.

Нас гоняли под охраной троих немцев пожилых рыть уже размеченные и колышками обставленные ямы продолговатые. Было много тачек деревянных на одном колесе.

На тачках вывозили землю по сторонам ям. Делали большую помость в яму. Потом уже фрицы охраняющие нас говорили, что это для самолётов. Но, чтоб вырыть одну такую яму нужно не 8 чел., как мы работали на трёх ямах, а гораздо много, а так нам нужно два месяца, чтобы вырыть такую ямищу.

Немецкая аэрофотосъёмка. Один из фашистских лагерей для советских военнопленных под Севастополем. Перевод надписи: «97 000 доставленных заключённых» [34] .Фактически, по подсчётам Г.И. Ванеева было пленено не более 80 000 человек» [4]

В начале апреля м-ца 44-го мы стали слышать далёкую канонаду и замешательство немцев, отступать стали ротами немцы на аэродром. Много автомашин что-то стали привозить на аэродром. Нас стали на работу уводить не так, как до этого. Гораздо позже, охрана не стала кричать, наоборот давали сигарет, закурить одну на двоих и раньше намного кончать работу и приводить в сарай. Жрать быстро отдадут в сарай. Загонят, запрут и мы там делим еду, умываемся и кто-что делаем, говорим. Послушиваем сидим и гул самолётов.

Потом однажды спустя дней 10 после этого, а были случаи по три дня не выводили на работу. Припрут мешок хлеба сухого-сухого и канистру бензиновую супа. Суп правда неплохой.

Рано утром ещё только солнце стало всходить лежим в соломе и смотрим, а дверь нашего сарая чуть приоткрывается побольше и никого нет с охраны и нет даже замка на засове. Обглядели, осмотрели – братцы, бежим.

Быстро подхватились все и не верится. Давай быстрей собирать-

ся, смотреться, чтобы не так страшно и со своими товарищами, а у нас у каждого был друг, срываемся мимо, т.е. рядом с дорогой по которой фрицы всё время без конца двигаются на аэродром за камышами и прочими дорогами добираться окольными путями до города.

Канонада очень сильно гудит и нарастает. Это наши наступают. Немцам, видимо, было не до нас. Мы добрались до развалин города. Мой друг по имени Николай, а фамилию я не вспомню уже, но старше меня года на три-четыре говорит: «Ваня, я иду пробираться другим путём, у меня есть здесь где-то баба». Я попрощался в обиде и пробирался к Графской пристани. Поближе к стрельбе, канонаде. Добрался! Немцы все в панике. Обстрел окраины Севастополя, шум, гам, ничего не поймёшь.

Смотрю, ялик перевозит гражданских на Северную сторону и слышу слова: «Побыстрей, побыстрей садитесь, а то отхожу». Я быстро прыгнул в ялик, как и др. женщины, мужчины, и под парусом ялик пошёл. Причалились на Северной стороне, повыпрыгивали все с ялика, а тут обстрел орудийный. Хорошо, радуюсь, но вскоре всё затихло. Только один гул слышно, т.е. обстрел, вроде бы прекратился.

Пробираюсь окольными дорогами, путями на Братское кладбище. Начался обстрел минами. Страшно было. Фрицы, румыны кое-где есть. Это я заметил. Они прячутся от обстрела и где-то подстерегают, я во время обстрела залёг в небольшой канавке. Мины, снаряды летят. Наши наступают, не иначе.

В недалеке от меня Братское кладбище и в недалеке дорога, за дорогой строения, и разного рода изгороди и пр. пр. территория. Стоит немецкая машина, никого нет, видимо ехали фрицы, попали под обстрел, выскочили с автомашины, укрылись где-то, а машину бросили. Попадает мина, ни-то снаряд небольшой, машину перекорёжило, она загорелась. Горела сильно.

Я добрался до кладбища ползком. Прятался в могилах под плитами. Ночью страшно было. Голоден, пить хочу. Выстрелы рядом, а нет никого. После того, как я переночевал на кладбище, утром следующего дня я услышал сильный обстрел дороги и крыш черепичных домов рядом стоящего посёлка или деревни.

Кое-как перебежками, ползком, где как я добрался в деревню. В домах жильцов не было. Сухарей нашёл, барахла нашёл. Свои вшивые снял, одел что было почище и получше, аж стало странно. Жевать сухари невозможно больно. Зубов нет. Воды нет. Стрельба участилась, побежал я. Дальше. Смотрю, подвал, дверь. Заглянул туда – нет никого. В подвале дрова, барахло вонючее и больше ни-

чего. Переночевал, зарылся в тряпьё. Сам не помню, как я заснул. Ночью вставал раза три. Стрельба, канонада, а наших всё нет.

Рано утром я слышу крик, шум. Румыны, немцы с собаками. Я быстренько с подвала бегом и на дорогу, а там румыны. Деваться некуда. Схватили меня. Это была жандармерия. Давай мне показывать руками и ладонями по своим щекам гладят и говорят: «Боже, Боже». Это так румыны молятся и, дескать, где церковь у меня спрашивают, как я после всего этого потом узнал. Чтобы я показал и меня отвести в церковь.

Я притворился, что ничего не знаю, ничего не понимаю, хотя я, действительно, ничего не знал и ничего не понимал. Как было выявлено в церковь загоняли таких, как я и расстреливали, и она была недалеко от Александровской крепости. На посёлке или деревне стояла.

Они ударили меня, я упал, а здесь, как Бог послал, начался массированный огонь миномётный наших войск. Румыны, а их было трое с плетками, что бьют лошадей кавалеристы – такие плетеные кожаные. Во время разрыва мин и их воя, разбежались кто куда, в сторону хаток, откуда я пробирался, а я, молясь в бога что было сил, бежал вверх рядом с дорогой в сторону церкви. Благополучно добежал. Там не так рвались мины, только на дорогу.

А здесь, собака овчарка на меня. Я чуть разрыв сердца не получил, весь обмер и застыл на месте. Толстющий-толстющий, здоровенный фриц в черном обмундировании, в каске, бляха на груди с белой цепкой, автомат и пистолет на его животе. Ком, ком. Схватил меня и орет: «Аусвайс!» Я по-русски говорю: «Нету, пан, аусвайс, у фрау». Он орал что-то, бурчал, матюкался по своему. Я так его понял, и с собакой повел меня. Ходьбы минут 10–15. Привел в Александровскую крепость. И назад.

Там было много русских наших семей гражданских, прятавшихся с кое-каким барахлом в скале. Длинный ход в подземелье. Было и много немцев вооруженных, но они были наверху, в разных замаскированных и защищенных местах, объектах от обстрела, осколков, и т.д.

Уже начало мая месяца 1944 г. Гудит рядом артиллерия, идет обстрел минометный, летят снаряды, а наших все нет и нет.

4 мая 1944 года. Кажется так.

Немцы объявляют к вечеру всем, всем выйти с подземелья, будут взрывать. Заложен динамит и взрывчатка, кто не выйдет, из мужчин особенно, будут насильственно выводить и на глазах расстреливать как положено в военное время. Долго никто не выходил.

Люди плакали, прощались один с другим, падали в обморок, а по рупору объявляет командование.

И вот влетают головорезы, хватают нас первых за что попало мужчин, руки связывают и пинком под зад к стоящим автомашинам, которые с задним открытым бортом наготове стоят под землей. Посадка без затруднения. Быстро одну заполнили, вторую, борта закрыли, сзади по два автоматчика и вперёд. Машины крытые брезентом.

Я молю бога чтобы снаряд упал в машину или рядом. Но ничего этого не произошло. Привезли нас к плоскодонной быстроходной десантной барже. Как я потом узнал, их называли «БДБ». В какой бухте не поймёшь. Крик, шум, гам, темно, идет артиллерийский обстрел, а нас палками в баржу, в трюм. Ну, думаем, топить будут.

Там были уже до нас полно мужчин, женщин, детей, стариков. И сразу же баржа отошла от берега. На верху, на палубе, немцы, слышно, как они что-то кричат.

Руки у нас онемели от веревок, они гады, или забыли нам веревки снять или знали, что там снимут такие же русишь, как они нас называли. Поразрезали нам веревки мужчины, женщины, мы рассказали как и что, попросили кушать чего-либо, воды и курить. Дали. Не обидели. С тех пор я начал курить.

С нашей горечью и печалью, фашисты нас везли морем. Те люди, которые были раньше нас в барже, говорили, что их так же насильно взяли.

Привезли всех нас в Румынию, порт Констанца. Кто с семьей, да, еще и имеют какие-то документы, выходи с баржи и становись вот там. Отдельно – показывали чины немецкие, а у кого нет никаких документов, а особенно мужчины, становись отдельно. С нами поступали строго. Как мы не извиливались, что документы остались там, в Севастополе, бомбежка, обстрелы и т.д., а один фриц говорит: «Я всех вас вижу как на ладони, и по возрасту и так, вы все русский сольдат, вы никс цивиль, вас расстреляйт надо».

Ну что будешь делать? Не проходит у нас номер, а нас было человек 25–30 таких. Только моргаешь один одному, дескать молчи, держись, не признавайся. Всех поместили от нас отдельно. Мы под решеткой и охраной, а те вольно.

Дней через 8–10 нас погрузили в машины и повезли на станцию ж.д. Погрузили в телятники под решеткой, в вагонах параши, оказывается еще откуда то свозили таких же как и мы, и таких вагонов было штуки 4. В такие же вагоны, но без решеток, и двери вагонов не закрывали, немцы поместили всех с документами, т.е. семьи ци-

вильные. Их вагоны стояли впереди состава, а наши– сзади. Всего вагонов 11–12, охрана в заднем вагоне оборудованном.

Повезли нас. Болезни, голод, холод, переживания. Везли через Румынию, Венгрию, Австрию, Чехословакию в Германию на рабство.

Перед Германией, где-то в прекрасном месте, среди высотных гор, живописная, очень красивая зеленая длинная долина вдоль железной дороги, растут деревья. Еще в сказке невиданно такой красоты. Это нужно сказать правду и отдать должное. Тихо, листья на деревьях не шевельнутся, поют птицы.

Остановился наш поезд – эшелон. Что-то немцы кричали по своему, с конца вагонов на перед к паровозу. Вообще немцы рассказывают громко и крикливо. Мы не смогли понять их разговора.

Минут через 10, пооткрывали двери наших вагонов, а гражданские все повылазили и кто-что. Большинство отправляются подальше от вагонов по большому и маленькому. Нам тоже разрешили, так же оправится. Дескать никуда не денетесь, но предупредили, от своих вагонов не далеко, сами принялись пить кофе, курить, смеются чего-то. В это время, да и ещё кое-кому, я видел их, незаметно с опущенными штанами, (брюками) удалось проскользнуть вперед к цивильным вагонам и смешаться с ними.

Прошло минут 10, после всего этого послышалась команда: «Аух, по вагонам!». Был дан свисток и засигналил паровоз, все побежали и повскакивали по вагонам, фрицы позащелкнули вагоны пленных друзей. Слышно было как накидали металлические накладки запоров. Цивильные вагоны сами люди чуть прикрыли. И вскоре состав тронулся. Поехали. Я в быстроте просил людей приютить как-то меня.

Люди были хорошие. Они помогли и обувью, и одеждой, Кто что давал, и курево дали, а одна женщина с ребенком годика 2, 2,5-ой сидела в углу, рядом узелок и мешочек небольшой, с пожилой женщиной. Она мне говорит – «Идите сюда, к нам в угол, у меня мама (как потом выяснилось, что это была ее мачеха) глухая. Нас чертовы фрицы схватили в окопе большом за поселком в Керчи. С нами была корова, корову насильно отняли, мы не давали, меня сильно ногой ударил немец. Я упала, ребенок кричит, а тут мать глухая и ей попало, а через часа два, приехали, забрали в машину и увезли на станцию, в телятнике под охраной повезли, а куда? Не знали, нас было таких очень и очень много, оказывается привезли в Севастополь, а теперь вот везут гады в Германию, мука мне и дитю и она, глухая. А вам сколько лет?» Я говорю: «Скоро 22 будет, в августе месяце, а вам сколько?» Она ответила: «В августе 25. Какое совпадение! Ну вот что, – говорит она. – У меня есть брачная мужа, муж старик, но

ничего, вы на вид выглядите намного старше, вы какой-то пережитый, замученный и шепелявите». А я говорю: «Зубы выбиты». «Запомните, фамилия Скляренко, вас зовут Михаил Павлович, а я Колода Мария Матвеевна. Наш сынок, его зовут Павлик, ну а это моя глухая мать, а ваша теща. Это на случай чего, что будет».

И так мы ехали, переживали. Проехали большую часть Германии. Свыклись. Сперва как-то странно, неудобно, а потом стал я привыкать, больше внимания уделял мальчику, и он привык ко мне.

Привезли нас в Мюнхен. Немцы другие вагоны, задние отцепили где-то в пути, что мы и не знали. Прицеплены к нам вагоны с грузом, а каким? Никто не знает! Везут да и везут, едем да и едем. Стоим долго ночью в Мюнхене. Повыходили с вагонов мужчины, и пошли шастать по вагонам других составов.

Завыли страшные тревоги. Гул самолетов в воздухе, страшный гул. Такого еще никто из нас не слышал. Это летят бомбардировщики союзнических войск – американские. Бомбардиры.

Была не была. Немцев нигде нет. Вскрыли один вагон, а там ботинки на деревянной подошве. Мы такого не видели еще в жизни.

Бросили, закрыли. Пошли дальше, вскрыли вагон, а там тюки парашютного шелка. В каждом тюке по 48 метров, материал узкий. По нашему называется «одинарное». Легкие, удобные и не толстые. Взяли по одному тюку, редко кто по два и закрыли вагон, убегаем восвояси. Все дружные оказались, предателей не было. Прятали кто как мог, и кто куда мог спрятать. Мы например, спрятали в теплое одеяло. Обмотали им мальчика и уложили спать.

Стояли до утра, где-то вроде бы на окраине товарной станции. Утром, уже солнце светило, прицепили паровоз к нашим вагонам, мы молим бога, хоть бы побыстрее отъехать. А до этого, все мужчины и женщины договорились, в случае чего, говорим все одно, что нам в Севастополе раздал этот материал полковник, чтобы не сжигать его. Шить будем рубашки, блузки руками. Что делать, носить то нечего, и, в случае чего, возможно менять на хлеб, картошку немцам. Смелее не так страшно, а прячась – скажут, обворовали рейх. Прячем, если кто выдаст, или продаст немцам, то не только ему, но и всем будет смерть. Все об этом хорошо знали, и поэтому не было предательства.

Когда привезли нас в Мюнхен и мы простояли с позднего вечера до следующего дня часов до 10 утра, началась страшная американская бомбежка. Налетало тысячи три, не менее, четырехмоторных бомбардировщиков, это крепости были, а сверх них, не менее 1 000 шт. летают истребители. Летели в несколько этажей. На улице стало темновато из-за такого количества авиации в воздухе.

Весь народ, и малый, и старый, побросали вагоны и разбежались подальше от этих мест, кто в ямы, кто в кюветы, кто в воронки и пр. и пр. А наша бабушка глухая, никуда с вагона не бегала. Молилась богу.

Я схватил Павлика и рванул с ним бегом метров 70, а то и больше к видимой бомбовой воронке, там уже лежали наши люди лицом в землю. Я быстро положил пацана лицом в землю, а сам сверх него и тоже лёг лицом в землю. Слышим свист страшный. Летят тысячи бомб, гудит небо, гудит земля. Бомбят сплошную территорию. Летят вагоны, эшелоны где-то вдали. И так гремело не менее часа. Потом всё улетело, стихло, дымит, горит, а вдалеке стоят наши вагоны с паровозом и никем не тронутые и вроде бы не бомбили те стоящие вагоны, где мы из них забрали тюки шелка. Вот гадство, не везет, чего их не разбомбили?

И здесь увидела Мария Матвеевна, как я своим телом накрыл ее ребенка, не щадя себя, заплакала и сказала: «Я поняла вас, вы настоящий человек, спасаете моего сына». А я ответил: «Ведь вы тоже меня спасаете». – «Так вот если желаете, я вам даю свое предложение».

Ну что ж, пришлось согласится. Женщина хорошая, самостоятельная, красивая, немного измученная, но главное, человек рискнувшая собой – спасла меня, военнопленного. Это великое дело. Это патриотизм. Это что-то значит.

Потом я узнал, что родители первого ее мужа сказали ей: «Уходи от нас к своей глухой, нашего сына, твоего мужа, убили на фронте не иначе, будет жив если, война кончится, придешь, а кормить тебя нечем». И она ушла с обидой. Поэтому, вероятно, и так у нее получилась судьба. Росла сиротой с 11 лет, по людях, дядях, тетях, и каждый командовал ней, каждый заставлял ее работать, угождать им, а еще же и двое меньших братьев с глухой мачехой осталась. Вот и представьте себе, какую суровую жизнь ей пришлось пережить, и какая несчастная ее судьба была и оказалась.

Я с того момента стал преданным ей быть и любить ее. За все и вся хорошее и доброе. 4 июня она приняла в вагоне меня. 1944 года 4 июня, эту дату забыть нельзя, и она посвящается, эта книжечка, нашей совместной жизни.

Привезли нас в цивильный лагерь городка Райхенбах-Фильс. Деревянные бараки, огорожен в два ряда колючей проволокой, на углах небольшие вышки деревянные, большие ворота, проходная, рядом с проходной по обе стороны ворот, внутри лагеря, бараки в один ряд. В одном караульное помещение с полицаями в черной железнодорожной форме, вооруженные пистолетами и кинжалами, собаки

овчарки в будках, подвал для наказанных, так называемый «келлер». В другом бараке живет убийца, фамилия Гагин, его называют «президент». Сам он русский немец, уже не молодой, в хромовых сапогах и темном галифе с плетеной плеткой ходит, на конце круглый набалдашник. Он запарывает людей за малейшее ему не взгодное, или немцы-охрана ему что-то за кого-то скажет, он вызывает к себе, заставляет снимать брюки, ложится лицом к земле, и по голому телу запарывал. Кого отольют водой, а кого прямо в могилу. Его боялись как огня. Жена у него молодая, его не любила, плевала на него, а он ее тоже бил, но не плетью, а ремнем.

Таких бараков для нашего брата было штук 8. Народу было чел. 800. Подъем в 5 час. утра, чай, хлеб, и строем на работу группами. Рядом станция, в простые пассажирские вагоны типа дачных, в сопровождении полиции, на робе у каждого пришито с надписью «ОСТ» (восточнорабочий).

Привозят нас в городишко Эелинген и сдают работать на железнодорожную фабрику. Нас разбирают кого куда. Кто грязь с вагонов очищает, кто с колес скребет мазут, кто моет детали букс колесных, кто участвует в ремонте моторов электрических, сварочных аппаратов под руководством и надзором старых немцев-швабов. Чуть не так, сразу передают твою фамилию в лагерь, тогда держись, президент Гагин запорет.

Вечером приезжаешь, дают в лагере хлеба грамм 200, миску баланды с брюквы и чай. Как хочешь так и крутись. В воскресенье правда не работали. В лагере стирались, сушились, обшивались, мылись, в бараках с двумя ярусными деревянными ящиками, где спало по 50–60 человек в одной большой комнате. И семейные, и старые, и малые, и девчата молодые, творился бардак, и некому было пожаловаться. Это специально немцы так делали, они всех нас считали за нелюдей. Но постепенно сами наладили порядок, добровольно, по желанию, все холостяки и холостячки переселились, поменялись местами, в другие бараки ушли.

В воскресенье к лагерю приходят «бауэры», немцы, и у начальства лагеря просят под ответственность рабочую силу, поработать в них на дому, а после, они приводят на вечер в лагерь и сдают обратно.

Кому идешь уголь носить ведрами с улицы во двор или в сарай, кому дров нарубать и сложить в сарай, «бауэру» по сельскому хозяйству работать, вилами навоз грузить на беньдюк и быками с длинными рогами возить, где он прикажет выгружать в кучу. Кучу эту нужно так оббить лопатой и вилами, чтобы она выглядела как юрта, аккуратная была.

Кто заставляет мешать лопатой мелкую щебенку с песком и цементом, потом поливается водой и продолжается все время перемешивания до жидкости, потом грузишь в тачку «кару» и везешь куда он покажет, выгружаешь, лопатой раскидаешь, трамбуешь, а немец с другим фрицем только протягивают швеллером или угловым железом (угольником длинным и тяжелым), т.е. делают гладкость бетона и блеск. Это так они строят у себя плацы.

Это самая тяжелая из тяжелых работ. Кормят за это хорошо, и сигарет дают, и картошки, хлеба по возвращению в лагерь. Ото стараешься за счет этого поддержать себя и свою семью, а так подохнуть можно.

В конце марта 1945 года, ни с того ни с сего, а мы буквально ничего не знаем никто, вызвали пофамильно семей 15 и приказали через полчаса со своими вещами построится при выходе из лагеря. Что, чего, куда, спросить нельзя, Гагин плетью будет бить, дескать не положено знать.

Построились, повели строем всех с узлами на станцию, от лагеря станция Райхенбах-Фильс была метров около 100. Посадили в уже там стоящие товарные, чисто вымытые вагоны, их было три, распределились все по количеству людей, нормально. Но соломы нет, и куда это нас повезут, спросили в полицая-железнодорожника, он ответил: «Аугсбург». Через 20 минут нас подцепила электричка и повезла.

Привезли нас в Аугсбург и бросили вагоны в конце города в тупик. Рядом речка какая-то, за речкой лагерь русских, невдалеке бурты с картошкой. Никто к нам, никто нас, и мы тоже. Находимся как отдельная автономия. Достали ночью соломы с буртов, картошки накрали, зажили мы на все 100%. И пришлось все же идти просится работать до одного богача «лайтера», который с молока делает сыр «Кезе».

Работа сырая, тяжелая, всегда весь мокрый. Каны мыл с утра до вечера, не разгибая спины. Кормили неплохо, 1 килограмм хлеба в день и один литр молока давали домой помимо еды. Я крал у него сыр «Кезе» и за поясом переносил, крал мало. Но это все длилось недолго.

27 апреля 1945 года. Утром я пошел на работу и ахнулся. Главное, что без выстрела, стоят американские танки и вояки, в основном негры. Как можно так тихо и незаметно?

Рассказал я им все, а они не понимают, повели меня к начальству, я и там рассказал все, а они не понимают. Повели меня к начальству. Я там рассказал всё. Они по-русски понимали, но говорили с акцентом. Угостили меня двумя пачками сигарет с нарисованным верблюдом, мармеладом, белым-белым высоким хлебом,

консервы дали банку св. тушенки, и сказали поменьше ходить в это время, пока подходят войска, и я сказал, что здесь не было военных немцев в этом месте и районе.

Он что-то сказал и пошли в ход танки яйцеобразные, пехотинцы негритянского происхождения с оружием прижимаясь чуть к стенам домов. Немцы везде и всюду выбросили белые флаги, на балконах, в окнах и т.д., а на улице их нет никого.

Я бегом в вагоны, а там не верят мне, потом все как закричали, как начали один одного обнимать, целовать, плакать. Пошли мы мужчины все, кто куда и кто зачем. Я пришел где вчера работал, а там все перевернуто, богачей нет, полазили мы с одним из вагонов, нашли муку, сахар, масло, велосипеды стащили, всего понагребали в мешки и на велосипеды, потащили в вагоны.

А войска и техника американская спешит на Берлин. Узнали, что там уже Жуков и наши Советские войска под Берлином, им нельзя уступать и отставать, они сами так говорили.

Прошло около двух суток, после этого, стали разъезжать на автомобилях легковых, русские военные с американцами и говорить, чтобы все русские, кто бы они ни были, где бы не находились, приходили на сборный пункт для отправки на Родину. Ну мы и поехали на второй день.

На сборном пункте была военная миссия Красной Армии во главе капитана тов. Щербакова. Я попросил машину, дали машину и мы все попереезжали с семьями машиной с вагонов на сборный пункт. Нас поместили в хорошие квартиры с обстановкой, хорошо питались, хорошо восстановили силы свои, и в сентябре м-це 1945 года, нас погрузили в целый эшелон, тоже товарняк с соломой, и повезли. Привезли куда-то, потом перегрузили в «студебеккеры» и привезли в город Ризу. С города Риза в город Опельн. Опельн, это город где жили поляки и немцы. Смешанное племя. Здесь мы проходили государственно-проверочно-фильтрационную комиссию.

Нас, мужчин, при допросах НКВД, сильно били. Били до крови. А вечером понапиваются пьяными и бьют мужчин, придираются, ходят по комнатам и территории. Взывают, что мы все изменники и что женщины бл*ди с нами. Всех нужно расстрелять. Мы все это слышим и не знаем, что делать, кому пожаловаться, немцы били, издевались, теперь свои еще хуже издеваются. Все пришлось переносить на себе.

Приехал я уже со своей семьей в город Ворошиловск Луганской области, станция Алчевское. Ныне, город Коммунарск Ворошиловградской области, поселок Северный, а в то время поселок Ворошиловградский, дом № 15.

Но какой это дом и поселок, где отец, мать, меньший брат Анатолий жили? Убогий, с завалюхами, а некоторые хатки кое-как с подпертыми стенам стояли, плакали, что они еле-еле стоят, им требуется срочная перекладка стен, крыш и т.д. Строения сделаны из глины, так называемого самана, а саман от дождей, сырости рассыпается, валится и т.д. Здесь жили, проживали бездомные, очень и очень бедные, не имущие ничего люди, из числа малограмотных рабочих, в свое время, еще в 35–36 годах, самовольно построившихся за пределами черты города, на заводской, как говорится, территории.

Очень и очень нам было тесно, мать моя Анна Федоровна больная, отец еле-еле ходит, брат Анатолий учился в ФЗО, потом стал работать самостоятельно в заводе «Ворошиловстрой» слесарем. Сестра Елена, меньшая меня на три года, работала на почте.

Нужно было прописаться в этой страшной и убогой хате. Нужно было написать заявление на имя нач. НКВД, майора по фамилии Франц, и заполнить бланки и данные: откуда приехал, где был, что делал, чего приехал, на какой срок приехал, судим или нет, кто родители, где родители, чем занимаются и пр. Он рассмотрит, поиздевается над тобой, потом пошлет в отдел КГБ (специальная комната на втором этаже была, при милиции и НКВД), там тебя допросят раза три, потягают дней пять (сегодня, да завтра, завтра, да послезавтра), потом по обстоятельствам скажут – идите к начальнику милиции. Это уже значит все, делать нечего. Получишь на три месяца временный листок «паспорт», потом прописка дней пять, потом ищи работу, устраивайся.

Не пройдет время как следует, еще не так-то просто можно устроится на работу (откуда приехал, где был, а в плену был – у немцев, у нас нет работы и пр. пр., делали причины чтобы не взять на работу: видимо было указание свыше). И вновь нужно идти, снова и заново испытывать муки и унижения, угрозы, оскорбления.

А кому скажешь, кому пожалуешься, когда все люди были злые как звери, и к тем, что были в Германии и к тем, кто не был. Голод, холод. Пайку хлеба получает человек на карточку в магазине на себя и на свою семью. Пока с магазина дойдет домой, все скушает. Люди ели людей, а в некоторых отдельных селах, деревнях народ вымирал. Их некому было даже придавать земле. Многие ели людей. В этих селах и деревнях, висели с тряпок кем-то повешенные черные флаги. Это означало – нет здесь людей, вымерли. Вот так было, вот такая была жизнь на Донбассе после войны при руководстве государством Сталина.

Получив временное удостоверение, паспорт трехмесячный, и за что? За то что я воевал и защищал Севастополь – сердце Черного моря, как говорили наши, и собственно говоря, юную жизнь скалечил? На всю свою оставшуюся жизнь меня терроризировали, оскорбляли, унижали мое достоинство как человека, психологически издевались.

Тесленко Иван Григорьевич, фото 1980-х гг.

Мне же нужно было, прежде чем прописаться, стать на воинский учет, а чтобы стать или не стать на учет, ставится же штемпель в домовой книге, потом прописывают по улице какой и в каком доме. И вот я пошел в военкомат города Ворошиловска, а уже стал подпухать от голода. Хлебной карточки нет, не работаю, и продавать на хлеб нечего!» [25].

На этом записи И.Г. Тесленко обрываются.

Попавшие в плен и уцелевшие после ужасов фашистских концлагерей защитники Севастополя возвращались в лагеря советские, где подвергались тщательной проверке. При каких обстоятельствах пленён, поведение в плену, место работы и прочие вопросы выяснялись. Многие получали срок. Но и на тех, кто возвращался домой, всю дальнейшую жизнь висел позор плена, который навсегда остался вписан в их анкеты, и не позволял этим несчастным, не сумевшим пустить себе пулю в висок, жить и трудиться свободно. Бившиеся насмерть с врагом и оставленные командованием СОРа, они не по своей воле превратились в «предателей». Неслучайно тема севастопольской трагедии долгое время была закрытой. Она была не нужна генералам и адмиралам, не разделившим участь подчинённых. И это неудобная и жестокая матросская правда войны в твоём Отечестве.

От такого рассказа першит в горле. Около 80 000 защитников города, мужественно сражавшихся до последней возможности с врагом, были оставлены командованием на мысе Херсонес. Почти 2 000 человек комсостава во главе с командованием СОРа эвакуировались самолётами, катерами, подводными лодками, обезглавив всю дальнейшую оборону. Были десятки, если не сотни краснофлотцев, бойцов и командиров, предпочитавших смерть плену, забиравших при этом с собой взрывом гранаты или прыжком в пропасть одного-двух фашистов. Сходившихся, не имея патронов, в рукопашную. Раненые в последней атаке пограничники на мысе Фиолент полковник Г.А. Рубцов и батальонный комиссар А.П. Смирнов, чтобы не попасть в плен, бросились с высокого обрыва на скалы. Были продолжавшие сопротивление в плену, не раз бежавшие, несмотря на жестокие пытки отказывающиеся работать на немцев, а значит против своих. Таких было много. Были сломленные пленом, молодые 20-летние люди, неженатые в большинстве, которые и не пожили ещё. Осуждать их сейчас никто не в праве. Хватало настоящих предателей, выслуживающихся перед фашистами.

Эту правду замалчивали больше двух десятилетий. Прошедший плен и восстановленный после освобождения в воинском звании полковник Д.И. Пискунов выразил мнения уцелевших защитников: «Общее настроение было такое — нас сдали в плен. Мы бы еще воевали и дрались. Я наблюдал людей. Ведь многие люди плакали от обиды и горечи» [68].

Была и адмиральская правда. В мае 1961 года адмирал Ф.С. Октябрьский выступал на конференции. На вопрос, почему Черноморский флот не спас защитников Севастополя, ответил, что спасая армию, мы бы потеряли и флот. Решили сохранить флот [68]. Боль за утраты, за трагический конец героической обороны легендарного Севастополя, за тысячи погибших и попавших во вражеский плен защитников города в сердцах выживших, она кровоточит у ступившего на землю Херсонеса. На последнем оплоте защитников города – 35-й береговой батарее в 2008 г. создан уникальный музейный историко-мемориальный комплекс героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея», куда не зарастает народная тропа. Создание музейного комплекса такого масштаба (площадь мемориала — около 8 га, подземные сооружения — около 5 000 м²) — событие беспрецедентное не только для Севастополя, но и для всего постсоветского пространства.

Это пример бережного отношения к нашей общей истории, к памяти тех, кто победил фашизм в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сотрудники музея во главе с его бессменным директором капитаном 1 ранга запаса Валерием Ивановичем Володиным, заместителем директора Татьяной Ивановной Уманской, часто помогают развитию нашего музея, они живо откликнулись на обращение и перечислили значительную сумму училищу на приобретение орудия Канэ.

Идёт неприкрытый пересмотр итогов Второй мировой войны, даже в государствах больше всех пострадавших от нацизма: рушатся памятники советскому солдату-освободителю в Польше, странах Прибалтики, в соседней Украине. Выползают из своих схронов недобитые бандеровцы, «лесные братья» и становятся новыми героями, им вручают ордена и пенсии участников войны, а воевавших с ними и фашистами пытаются засадить в тюрьму. Остриё этой борьбы со всем советским направлено против России, против усиления её роли на международной арене. Моё личное мнение – на каждый разрушенный памятник русскому солдату, мы должны создавать новый. Приходится признавать, что и сами виноваты в разрушении своего Отечества, наш долг сохранить бастионы и батареи Севастополя, не дать уничтожить их безобразной застройкой и свалками мусора.

Другие, драматические и правдивые воспоминания о последних днях обороны Севастополя на 14-й береговой батарее оставил начальник медико-санитарной службы 2-го отдельного артиллерийского дивизиона военврач 3-го ранга Иван Степанович Ятманов. Его книга с дарственной надписью хранится в музее училища.

Вклад военных врачей, медицинского персонала частей в оборону Севастополя, не меньше, чем артиллеристов, или других защитников города. Тысячи бойцов и командиров они вернули в строй и также рисковали своими жизнями, вынося под обстрелом раненых, боролись за их жизнь в госпиталях, оставались с попавшими в плен до конца.

Сразу после эвакуации на Кавказ И.С. Ятманов представил в штаб ЧФ отчёт о работе медучреждений, последних днях в осаждённом городе, который, вероятно, лёг в основу будущей книги.